

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Коран: “Обязательно посади дерево, – даже если завтра придет конец света”.

Жить в нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть сегодня, а работать так, как если бы ты был бессмертен.

Религия либо занимает основное место в жизни человека, либо у него ее нет вовсе. Нельзя верить в Бога “попутно”, “между прочим”, признавать Бога как постулат и вспоминать о нем только, когда спрашивают.

Предсказания и предвидения в науке и пророчества не так далеки друг от друга: и те, и другие не суть утверждения неизбежности, а прогнозы на данный момент и в данных условиях. Неизбежность всегда разрушительна для морали. Человек способен в той или иной мере изменять будущее – хотя бы свое.

Когда святого Гонзаго, римского семинариста, спросили во время его игры в мяч со своими сверстниками: что бы он делал, если бы ему сказали твердо, что сейчас наступит конец мира, – он сказал: “Продолжал бы играть в мяч”. Но это, конечно, в случае полной неизбежности. А настоящий его ответ перед своею совестью, когда он что-то мог изменить, был другой, – он был дан его смертью: он скончался 23-х лет, ухаживая за чумными больными.

*Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.*

*Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней благодатью
Наи каждый шаг запечатлен¹.*

Счастье может быть только боевое – только завоеванное нами. Вечного постоянного счастья не бывает. Нельзя быть счастливым, когда есть страдающие. Но можно быть счастливым чем-то, что сейчас добыто, получено.

Диктор телевидения в одной из передач останавливал людей на улице и спрашивал: в чем, по-вашему, состоит счастье? В ответ миллионы людей слушали детский лепет. Что-то вроде того: “Счастье – это когда дома достаток и на службе хорошо”, или: “Счастье – это когда мои девочки подрастут красивыми, здоровыми и хорошо выйдут замуж”. Это все мещанство. И даже когда большие люди твердили – “Это гармония между чем-то и чем-то” – недалеко ушли.

Счастливым можно быть только короткий промежуток времени чем-то достигнутым, а после начинаются новые заботы, ибо, повторяю, нет счастья ни для кого, пока есть несчастье рядом.

Мне девяносто лет. Как к этому относиться? Респектабельный возраст!

Пастух, которому 110 лет, но который никогда или редко сходил со своих гор, – прожил короткую жизнь.

“Разве нет у вас вечности для отдыха...”

Жизнь была бы неполна, если бы в ней совсем не было печали и горя. Жестоко так думать, но это так.

¹ Пушкин А. С. Поэма “Полтава”.

Д. С. Лихачев с портретом дочери Веры

Можно ли выскочить из своей эпохи в своем мировоззрении? Конечно – нет. Всякая попытка вернуться в какое-либо столетие или перескочить далеко вперед – в будущее – невозможна. Человек живет в своей эпохе, в свои годы, и только в свои. Но это не означает, что он должен слепо следовать за эпохой, за господствующим мировоззрением. Человек обладает свободной волей и обязан выбирать, обязан создавать новое. Он – творческое существо. Если он перестает быть творческим существом и быть устремленным в будущее (свое и своей страны), он перестает быть Человеком. В жизни надо уметь парить над эпохой и в эпохе, выбирая те воздушные течения, которые идут снизу вверх, или, в какие-то моменты, скользить по воздуху, не падая.

Утешают: переселение душ! Но какое может быть утешение, когда душа переселяется одна, в чужую семью, в другой быт, а с детства ничего не помнит из прежней жизни (если бы даже могла) и кричит только: “Уа, уа!!”

Вызывают духов, занимаясь столоверчением. Покойники, даже самые знаменитейшие и архигениальные, говорят вызвавшим их людям вполне на их уровне: ничего интересного, невероятного, никаких гениальных советов, наставлений, указаний, кроме банальнейших.

А вместе с тем что-то же должно остаться?

Закон сохранения энергии касается же энергии душевной и духовной. Но эта энергия все же недолго имеет личностную форму. Сперва (более

Вера Дмитриевна Лихачева

года) Вера² мне снилась и утешала меня, но теперь – нет. Энергия ее растворилась, и там, где была Вера (дочь), я ощущаю пустоту... Девять дней, сорок дней, год – и все. Не могут же люди, жившие миллионы лет назад, продолжать существовать загробно и сейчас? Это непредставимо. “Места не хватит”, даже не изобретая для них расселения по Вселенной: способ, предложенный Н. Федоровым³. Но боль не проходит.

Если человек ни о ком и ни о чем не заботится, его жизнь тоже “бездуховна”. Ему нужно страдать от чего-то, о чем-то думать. Даже в любви должна быть доля неудовлетворенности (“не все сделал, что мог”).

Жизнь человека – это не отдельные события, связывающиеся в незакономерную последовательность, а своего рода организм, “биографическое целое”. Поступки и события – только звенья цепи, имеющей свою форму, свою одухотворенность и свою индивидуальность. Существует индивидуальность – как человек, и есть индивидуальность – как его жизнь. Последняя зависит от первой, но обе законченные цельности. И человек должен это знать, а не жаловаться (“не повезло в жизни”).

“Et in Arkadia ego” (“И в Аркадии я”). Смысл этого широко известного, но и неясного по происхождению изречения толковался различно. В эпоху рококо считали, что “я” (ego) – это смерть. Смерть заявляет о своем присутствии даже в счастливой Аркадии. В садах рококо при всей их “счастливой сущности” очень часто бывали могильные памятники или памятники, посвященные умершим – друзьям, родным. Такие памятники есть, например, в Павловском парке. В имении “Узком” под Москвой на одной из картин, изображающей сад, написан саркофаг с такой же надписью. Человек в самые счастливые моменты своей жизни должен был не забывать о своей

² Вера Дмитриевна Лихачева трагически погибла 11 сентября 1981 г.

³ Федоров Н. Ф. *Философия общего дела*. М., 1906–1913. Т. 1–2.

Я возражал Н. Федорову. Следует не
 воскрешать мертвых людей — голых, без оружейных
 их обривов, кичури, зноши, а надо воскрешать
 генеральную культуру всех веков в ее многокультурности.
 Надо пошлы не устремляться к будущему, а преодоле-
 вать время. Это возмочно, если признать...

Автограф Д. С. Лихачева

смертности. В Этнографическом музее в Будапеште мне рассказывали, что женщина в первый же день своего замужества должна была делать первые стежки на своем саване. Этот саван делался красным. Через двадцать пять лет он должен был быть готов, и женщина начинала вышивать синий саван. Еще через двадцать пять лет она готовила себе белый саван. «Народное искусство не только красиво, — оно мудро», — сказала мне сотрудница музея.

Понимание другого, восприятие другого есть сознание существования меня самого за пределами меня. И это сознание особенно сильно, когда мы имеем дело с произведением искусства. Искусство расширяет наше я, позволяет женщине переселиться в мужчину, человеку добродетельному в преступника и, несмотря на сопротивление зла, — злему в доброго, переселиться в другую эпоху, в другую среду, в человека другой религии или почувствовать себя собакой, лошадью («Холстомер»).

Всякое искусство в той или иной мере дублирует жизнь в представлениях автора. Если эти представления, отраженные в произведении искусства, в достаточной мере высоки, читатель или зритель может удвоить и утроить свой жизненный опыт. Он может оказаться в ситуациях, которые не только в его личном опыте отсутствовали, но о которых он даже не имел понятия. Искусство просто открывает нам новые миры со своими особыми законами. Лет двадцать тому назад я написал статью на тему «Легкий мир «Слова о полку Игореве»», где показал, что в этом произведении законы передвижения в пространстве и во времени совершаются иначе, чем в нашем мире.

*Пятый день творения. Миниатюра из сборника
Древлехранилища Пушкинского Дома. XVII в.*

В романах Достоевского действует другая человеческая психология, обнажен нравственный мир и пр. Особая роль принадлежит поэзии, вводящей нас в особый ассоциативный мир.

Следовательно, литература приумножает, обогащает человеческий опыт.

Человек, много читавший, может считать себя прожившим несколько жизней и иногда более сложных и высоких, чем его собственная.

Витражи часто бывали так высоко, что их нельзя было разглядеть.

Фриз Пантеона в Афинах, когда он был не в Британском музее, а на своем месте, тоже был "невидим" для зрителя.

Следовательно, архитекторы, скульпторы, витражисты и фрескисты творили для Бога, для правды, а не для зрителя, который часто не мог разглядеть детали.

В раннехристианской эстетике особое место занимают зрительные образы. В послании Павла евреям говорится: “Все открыто перед очами Господа”. Поэтому так часты в священном писании “очи души”, “очи сердца”. Библия – книга не только слов, но и зрительных образов. Иов отдает предпочтение глазам перед ушами, он говорит Богу: “Я слышал о Тебе слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь” (Иов. 42, 56). И так как “все открыто перед очами Господа”, то в стенописях церковей с одинаковой старательностью выписываются даже те детали, которые снизу не видны молящимся, но “видны Богу”. Н. Н. Воронин обратил внимание на то, что в Боголюбове рельефный орнамент охватывал храм даже в той его части, которая сразу же скрывалась строительством примыкающей к нему лестничной башни. Никакого обмана, никакой иллюзии, ничего скрытого от глаз Бога.

Одно из самых важных отличий человека от животных и от компьютерных машин – чувство юмора. Машина не может смеяться, хотя может выявлять, регистрировать смеховые ситуации, если человек проанализирует предварительно сам – какие ситуации могут вызывать смех (важно для ораторов, педагогов и пр.).

Но вот говорят: “Христос никогда не смеялся” – и даже еще серьезнее: “никогда не улыбался”. Но! Это говорится на основании повествований о нем в евангелиях, а мог ли евангелист описывать Христа смеющимся, путящим и пр.? Ведь это было просто невозможно, это было бы по-человечески бестактным, имея в виду всю трагичность описываемой жизни. Что касается улыбки, то улыбка не регистрировалась в дореалистическом литературном искусстве. Она воспроизводилась в скульптурах античности (лицо Афродиты или Венеры часто изображается улыбающимся; и улыбается Богоматерь, обращаясь к своему Младенцу).

Но вот Бог явно смеялся, творя мироздание. Я уверен, что некоторых насекомых, рыб и пр. Бог создавал смеясь. И он создавал их для себя – не для нас, ибо самые смешные творения спрятаны им глубоко в воде или в скрытых от человеческих глаз местах.

Создавал ли Бог смешные ситуации – в истории, в жизни “малого значения”? Создавал! Я в этом уверен, глядя особенно на смешное самодовольство тупых чиновников, на наряды “диких” людей или некоторых “цивилизованных дам”. Такого человеку, даже самому остроумному, не выдумать!

А в целом, глядя на созданный Богом мир, следует сказать, что Бог заботился и о своей “репутации”. Заботился очень серьезно. Заботился о моральной оправданности своего творения. Говоря без шуток, с полной искренностью, именно христианство это заметило. Ибо оправдать сотворенные

Богом страдания людей можно было только одним путем: путем собственного крестного пути. В истории Христа отражено что-то вечное, постоянно совершающееся. Бог не только две тысячи лет назад страдал на кресте, – он страдает постоянно, всегда. Всегда его бьют, поругают на дворе Пилата.

*Мои представления о мире
(“В чем моя вера”)*

Умер человек. Умер близкий мне человек. Я не могу примириться с тем, что он будет забыт. Все хорошее и все плохое вокруг него забудется. Забудутся все его мечты, надежды, маленькие или даже большие заботы. Это непереносимо.

Забылись целые культуры. Мы представляем себе первобытного человека как совершенно примитивное, грязное существо. А у него были обычаи, представления о нравственности, фольклор, не дошедшая до нас своеобразная культура. Я верю в “пещерного человека”.

Даже культура Древней Руси представляется нам упрощенно: “отсталая”, “грубая” и пр. Это явно неверно. И одна из моих главных жизненных задач состояла в том, чтобы разбить это представление.

Даже представления о России XIX – начала XX века как об отсталой стране неверны, тенденциозны. В представлениях о прошлом действуют мифы.

“Страшный суд” должен охватывать не только всех людей, но и все историческое прошлое человечества, а может быть, и еще шире – весь существовавший мир и тот, что будет существовать. Иначе нельзя жить: должна быть восстановлена справедливость.

*Трубящий ангел.
Фрагмент фрески Дмитриевского
собора во Владимире. 1194–1197*

*Дионисий. Фрагмент иконы "Успение Богоматери".
Нач. XVI в. Музей им. Андрея Рублева*

Как это возможно? И что значат слова Апокалипсиса: "Времени больше не будет"?

Если времени не будет, если воскреснут мертвые, т. е. все прошлое, то времени в нашем его ощущении (я не говорю "понимании", ибо понимания времени у нас вообще нет) вообще не существует. Время – наше субъективное восприятие мира.

Мы смотрим в окно быстро мчащегося поезда. Ребенку кажется, что существует в настоящий миг только то, что он видит в окне. Того, мимо чего мы промчались, больше не существует. То, к чему мы приближаемся, еще не существует...

Муравью, ползущему по плоской поверхности, кажется, что то, мимо чего он прополз, уже не существует.

Настоящее – это звук, снятый с пластинки иглой проигрывателя. Но прошлое и будущее на этой пластинке есть, существует, неистребимо... Этим решаются нравственные проблемы: каждый человек, существовавший, существующий и кому еще надлежит существовать, представлен перед Страшным судом, совершающимся постоянно, во всех своих поступках и помыслах. "Срока давности" нет. Ни для плохого, ни для хорошего... Древняя Русь не исчезла. Она существует, и в отношении ее наш тенденциозный "суд истории" недействителен. Есть Высший суд, находящийся над временем.

Вот почему нельзя совершать плохое для хорошего, губить людей во имя "счастливого будущего". Настоящее не трамплин для будущего. И т. д.

Вот почему, кстати, возможно предвидение будущего и общение с прошлым, “умершими” (по-настоящему никто не умирает). Кстати, необходимо обладать суеверной самоуверенностью, чтобы отрицать многочисленные факты предсказаний или общения с умершими.

Уверен, возможность “передвижек” человека в прошлое и будущее будет доказана физиками, физики уже подошли к правильным представлениям о времени.

Вопрос о надвременном характере (сущности) мироздания для меня абсолютно ясен. Я не просто верю – я уверен в том, что мой ответ ясен и соответствует действительности. Иначе все существующее лишено смысла. Если все проходит, то нет смысла существования чего бы то ни было.

Теперь коснемся другого вопроса, в ответе на который я менее уверен, но верю. Если все существующее находится вне времени, а время есть только форма проявления надвременно существующего, то свободен ли человек в своих поступках, в своем поведении, отвечает ли он за то, как живет?

Прежде всего обращаю внимание на то, что понятие ответственности очень сложное. Приведу такой пример. Камни существуют тысячелетиями и не меняются. Ответственны ли они за свою ценность? Существует гранит, существуют алмазы. Ценность их различна. Существуют дурные люди и хорошие. Каждый отвечает за то, какой он. А может ли он отвечать за свой поступок? Иначе говоря, свободен ли человек, живя в надвременности?

В богословии есть понятие синергии. Я думаю, что в аналогичном тому положении, в котором проявляет себя Бог, находится и человек. Его поступки и свободны, и предопределены одновременно. Время есть не только способ восприятия мира, но и форма проявления свободы человека. Свободен не только человек – свободна природа (это хорошо выразил Тютчев⁴).

Как совмещаются два начала – время и надвременное, трудно представимо. Вернее сказать, просто не представимо. Но мало ли что непредставимое обнаруживается в бытии! Современная математика и физика разве не обнаруживают многое, что не представимо?

“Времени больше не будет”! Значит, в конце существования жизни на Земле во времени не будет нужды. Какой смысл существования Жизни вообще – нам знать не дано. И я могу догадываться – почему, с нравственной точки зрения. Ибо если бы мы знали ответ на это “почему”, знали бы точно (а не только свободно верили в существование Бога), мы были бы лишены свободы. Знание не только достигается свободой, но и лишает на последних своих

⁴ Не то, что мните вы, природа
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

*Земля и животные приносят тела умерших на Страшный суд.
Фрагмент фрески Рождественского собора Феропонтова монастыря. 1502*

степенях свободы человека. Поэтому-то Бог открывается только тем, у кого вера в него достигает уверенности знания, т. е. только святым.

Теперь постараюсь ответить на третий сложнейший вопрос. Я говорил о Боге. Но о Боге и богах свидетельствуют разные религии, а в религиях разные вероисповедания. Кто прав?

Ответ на этот вопрос люди обычно получают от родителей. Наиболее взыскующие истины могут найти его сами, если станут внимательно изучать религии с точки зрения того, на какое количество вопросов («проклятых вопросов») отвечает та или иная вера. Если она соответствует большему количеству вопросов, дает наилучшие ответы, особенно на прав-

*Д. С. Лихачев в Комарове
у могилы А. А. Ахматовой. 1967*

ственные требования, – она и наиболее верная. Но при этом необходимо учитывать и национальные традиции, национальные уклады, так как гайка охватывает болт.

Что для меня лично самое важное в православии? Православное (в отличие от католического) учение о триединстве Бога. Христианское понимание Богочеловечества и Страданий Христа (иначе не было бы оправдания Бога) (кстати, спасение человечества Христом было заложено в надвременной сущности человечества). В православии для меня важна сама древность обрядовой стороны церкви, традиционность, постепенно отменяемая даже в католичестве. Экуменизм несет в себе опасность безразличия к вере.

Пока все...

Есть вопросы, на которые я не знаю ответа. Думаю, на эти темы вообще нельзя говорить. Любовь. Вера... Об этом следует молчать. Отцы Церкви говорили: "Кто много и пристально на солнце смотрит, у того глаза повреждаются; кто Бога любопытно рассматривает, у того ум помрачается..."

Когда погибла Вера, моя дочь, мир для меня вдруг потерял цвет. Я не различал красок. В ее комнате все осталось, как при ней. Мне хочется думать, что она просто вышла ненадолго... Человеческие события не кончаются внезапно, а служат началом чего-то нового, мне хочется так думать...

А самым страшным в жизни мне кажутся две вещи: предательство и смерть. Смерть все-таки страшна. Но предательство – страшнее...

Мы редко и слишком мало думаем о смерти. О том, что все мы конечны, что все мы здесь – на очень короткое время. Забывчивость эта помогает расцветать подлости, трусости, неосторожности... В человеческих отношениях важнее всего быть осторожным: не обидеть, не поставить другого в неловкое положение, не забыть обласкать, улыбнуться...

Атанас Далчев с необыкновенной мудрой примиренностью относился к смерти. Вот одно наблюдение над старостью как переходом в небытие: “Достигнув известного возраста, начинаешь понимать, что жизнь, в сущности, – непрерывная утрата. Теряешь не только зубы, волосы, блеск глаз, но и все силы и богатства души: способности, привязанности, воспоминания, чувства и даже желания. Один за другими падают, перерубленные, тросы, прикреплявшие дух к земле, и, почти освобожденный, он трепещет от собственной легкости”. И еще: “Со смертью наших близких постепенно умираем и мы”.

А вот на ту же тему замечательное стихотворение Атанаса Далчева “Вечер” в переводе Марии Петровых:

*Бреду один по улицам, где вечер
над рдяно-красной черепицей кровель
такой же рдяно-красный догорает.
И, глядя на закат, я вспоминаю;
сейчас и над Неаполем он рдеет,
и блещут окна верхних этажей,
пылающие блики отражая,
и Неаполитанского залива
светлеют волны, тронутые ветром,
и зыблются, как на лугу трава,
и возвращаются мычащим стадом
в шумливый порт под вечер пароходы.
На набережной пестрая толпа
благословеньем провожает этот
минувший день, прожитый беззаботно,
но в той толпе меня теперь уж нет.
Закат сейчас горит и над Парижем.
Там запирают Люксембургский сад.
Труба звучит настойчиво и страстно,
и словно на ее призыв протяжный
нисходит сумрак в белые аллеи.
Толпа детей за сторожем идет
и слушает в молчанье, в упоенье*

“Души праведных в руце Божьей”. Фреска церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде. Ок. 1380 г.

*повелевающую песню меди,
и каждому хотелось бы поближе
к волшебному пробиться трубачу.
Из тех резных ворот, открытых настежь,
выходят люди весело и шумно,
но в их толпе меня теперь уж нет.
Зачем не можем мы одновременно
быть там и здесь, всегда и всюду, где
клокочет жизнь могуче и бескрайно?
Мы непреодолимо умираем,
вседневно умираем, исчезая
оттуда и отсюда – отовсюду,
пока совсем не сгинем наконец.*

1930

Я встретил Атанаса Далчева в 1973 году стариком на углу Русского бульвара и улицы Раковского – в самом шумном месте Софии. Нас познакомил П. Н. Динев. Я не помню, какими словами мы обменялись, но живо помню только то ощущение покоя и тишины, которым вопреки шуму софийских вечерних улиц был окружен Атанас Далчев. А на следующий год, 1974-й, он прислал мне свою книжечку “Избранное”.

Ангел несет душу умершего к душам праведных. Фреска церкви Успения на Волотовом поле. Ок. 1380 г.

Сколько зерен, рассыпанных на столе, может человек охватить взором сразу и не считая, не деля на группы – определить их число? Одно зерно – ясно, что одно. Два зерна – тоже не требует мысленного счета. Три – тоже. Четыре – уже возникает соблазн разбить на две группы по два зерна, чтобы лучше уяснить число. Но еще не считает. Пять – труднее, и счет в уме возможен. То же шесть. А семь и последующее число зерен, пожалуй, требует уже счета. Познание превращается в процесс. Во всяком случае, вы не можете сказать сразу, “не думая”, – сколько лежит на столе.

И вот, если бы меня спросили – как представить себе “Высший разум”, я бы сказал – это то, что способно охватить мысленным взором сразу всю Вселенную, и не только ту, что есть сейчас, но и ту, что была и будет, – во всех измерениях – и держать ее в сознании с такою же ясностью, “не считая”, как мы можем осознать наличие одного, двух или трех зерен, лежащих на столешнице.

Вопрос о том, существует ли всевидящий “Высший разум” или не существует, может решаться только с осознанием невероятной сложности его существования, – сложности, показанной мною на трех зернах, лежащих на столе, но раздвинутой на всю Вселенную.

Как быть в старости? Как преодолевать ее недостатки? Об этом отчасти я написал несколько строк в своей книге “Прошлое – будущему”. Но есть более подробная и вполне правильная статья акад. В. А. Гинзбурга “Когда годы берут свое”⁵. С мыслями этой статьи я вполне согласен. Она полезна.

⁵ Гинзбург В. А. Когда годы берут свое // Природа. 1986. № 10.

Зинаида Александровна Лихачева. 1990-е гг.

Пусть ее прочтут. Но статья неполна. Главное и не учитываемое В. А. Гинзбургом в его статье вот в чем: старость – это не просто угасание, успокоение, постепенный переход к покою (могу сказать – к “вечному покою”), а как раз напротив: это водоворот непредвиденных, хаотических, разрушительных сил. Это мощная стихия. Какая-то засасывающая человека воронка, от которой он должен отплыть, отойти, избавиться, с которой он должен бороться, преодолевать ее.

Не просто уменьшение памяти, а *искажение* работы памяти, не угасание творческих возможностей, а их непредвиденное, иногда хаотическое измельчение, которому не следует поддаваться. Это не снижение восприимчивости, а искажение представлений о внешнем мире, в результате чего старый человек начинает жить в каком-то особом, своем мире.

Со старостью нельзя играть в поддавки; ее надо атаковать. Надо мобилизовать в себе все интеллектуальные силы, чтобы не плыть по течению, а уметь интуитивно использовать хаотичность, чтобы двигаться по нужному направлению. Надо иметь доступную для старости цель (считая и укорачивающиеся сроки, и искажение возможностей).

Старость расставляет “волчьи ямы”, которых следует избегать.

Старость – это тоска. Так важно в старости понимание другими – твоего стариковства.

Общаться со стариками нелегко. Это ясно. Но общаться нужно, и нужно делать это общение легким и простым.

Старость делает людей ворчливее, болтливее (вспомните поговорку: “Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей”). Нелегко для молодых переносить и глухоту старых. Старые люди недослышат, невпопад ответят, переспрашивают. Надо, разговаривая с ними, повышать голос, чтобы

старики расслышали. А повышая голос, невольно начинаешь раздражаться (наши чувства чаще зависят от нашего поведения, чем поведение от чувств).

Старый человек часто обижается (повышенная обидчивость – свойство старых людей). Одним словом – трудно не только быть старым, но и трудно быть со старыми.

И тем не менее молодые должны понимать: все мы будем старыми. И еще должны помнить: опыт старых ох как может пригодиться. И опыт, и знания, и мудрость, и юмор, и рассказы о былом, и нравоучения.

Вспомним пушкинскую Арину Родионовну. Молодой может сказать: “Но моя бабушка совсем не Арина Родионовна!” А я убежден в обратном: всякая бабушка, если ее внуки захотят, может быть Ариной Родионовной. Не для всякого Арина Родионовна стала бы такой, какой ее сделал для себя Пушкин.

У Арины Родионовны были признаки старости: например, она засыпала во время работы. Вспомните:

*И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.*

Что значит слово “медлят”? Она не всегда медлила, а “поминутно”, время от времени, т. е. так, как это бывает с время от времени засыпающими стариками. И Пушкин умел находить в старческих слабостях Арины Родионовны милые черты: прелесть и поэтичность.

Обратите внимание, с какой любовью и заботой Пушкин пишет о старческих чертах своей няни:

*Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь,
То чудится тебе...*

Стихи остались неоконченными.

Арина Родионовна стала для всех нас близкой именно потому, что рядом с ней был Пушкин.

Плавание по морю житейскому. Фрагмент фрески Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове. XII в.

Не было бы Пушкина – осталась бы она в короткой памяти окружавших ее болтливой, поминутно задремывающей и озабоченной старухой.

Но Пушкин нашел в ней лучшие черты, преобразил ее. Муза Пушкина была доброй. Люди, общаясь, создают друг друга. Одни люди умеют разбудить в окружающих лучшие их черты. Другие этого не умеют и сами становятся неприятны, докучны, раздражительны, тоскливо скучны.

Старики не только ворчливы, но и добры, не только болтливы, но и отличные рассказчики, не только глуховаты, но обладают хорошим слухом на старые песни.

В каждом почти человеке совмещаются разные черты. Конечно, одни черты преобладают, другие – скрыты, задавлены. Надо уметь разбудить в людях их лучшие качества и не замечать мелкие недостатки. Спешите установить с людьми добрые отношения. Почти всегда добрые отношения устанавливаются с первых слов. Потом – труднее.

Достоевский где-то говорит (может быть, устами своего персонажа), что в этом мире все начинается и ничто не кончается. Это очень верно. Это подтверждает, в жизни нет случайностей.

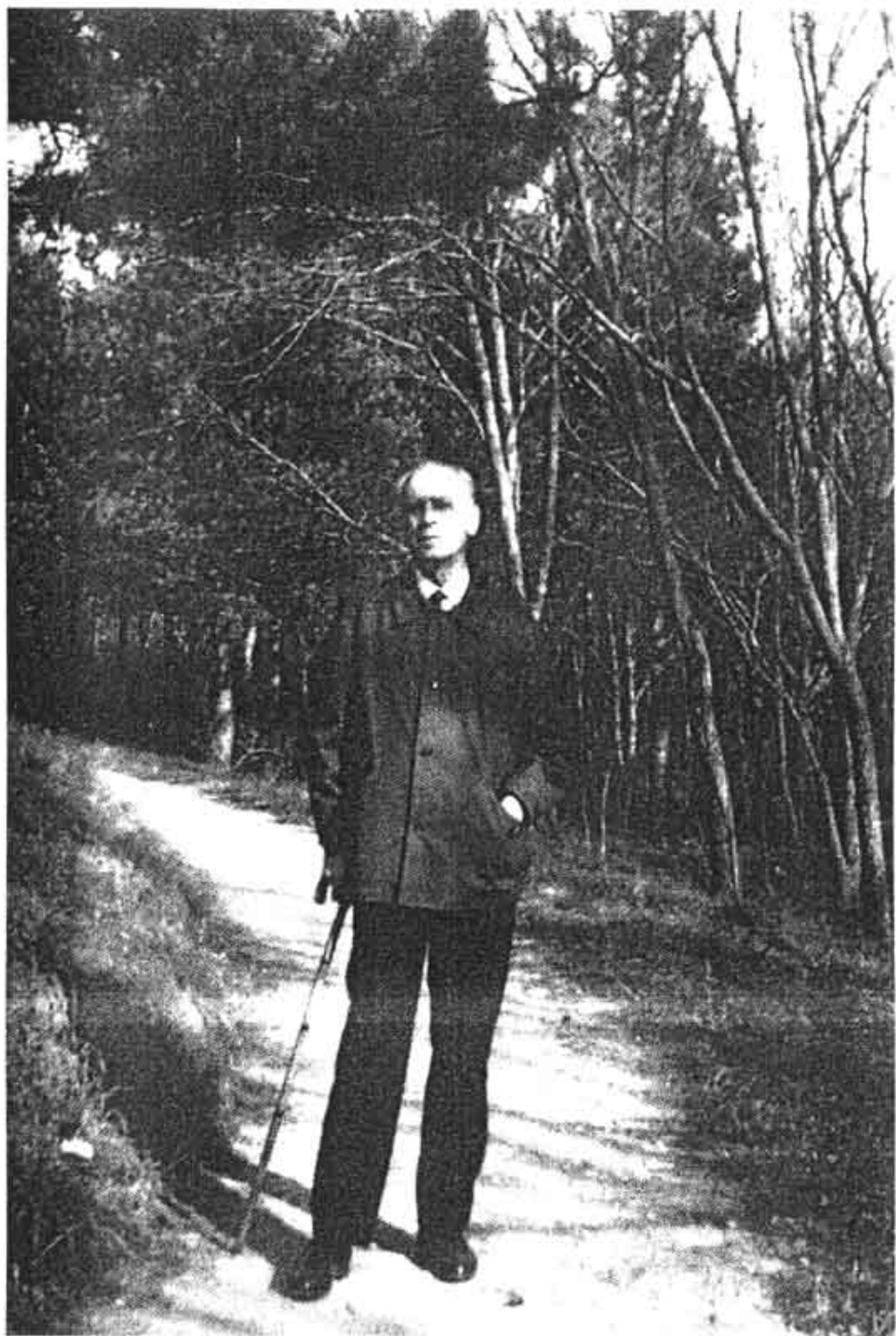
Старые деревья служат предметом усиленного ухода и почитания в Прибалтике, на Кавказе, на Балканах...

В Черногории двухтысячелетние оливковые деревья – поразительные по красоте (около г. Будвы). В Болгарии распространяются изображения “одного старого дерева”, растущего около местечка... забыл какого. Год его “рождения” – 16... Тоже забыл, – ясно помню, XVII века. А у нас в селе Коломенском деревья (дубы) имеют по 500 лет и не пользуются должным почитанием и вниманием. Гибнут. Может быть, это явление вообще типичное для нас, русских, когда старикам не уступают место в транспорте?

Какой контраст с Кавказом! Мы путешествовали в 87 году по Волге на теплоходе, на котором было много пассажиров-грузин с детьми. Грузинский мальчик лет 13-ти, которого все на теплоходе считали большим шалуном, на каждой пристани выходил одним из первых и помогал у трапа выйти нам с женой и другим пожилым людям!

Один канадец рассказывал мне, что у них старые деревья, именно старые, получают медали, и эти медали прикрепляются к ним. Есть деревья-рекордсмены: самые старые в своей местности, самые высокие, самые толстые в стволе. В Эстонии, в Латвии все старые деревья на учете.

В языческие времена на Руси существовало поклонение старым деревьям и были священные рощи. Около Новгорода до сих пор существует “священная роща” в урочище Перынь (от “Перун” – тут стоял его идол). Но сохранность рощи никого не волнует, и самовозобновление сосен прекратилось.

Д. С. Лихачев. 1967

Устроили какой-то дом отдыха, а может быть, туристический центр (не помню), и корни сосен вытаптываются, земля вокруг сосен уплотняется, и никого это не беспокоит.

Почему в некоторых местностях старики живут до 100 лет и больше? На Кавказе, в Абхазии, в Болгарии! Ищут ответы то в горном воздухе, то в привычном образе жизни, то в болгарской простокваше и пр., и пр. А дело, мне кажется, проще: живут старики дольше там, где их уважают, где они себя чувствуют лучше, где, как им кажется, больше приносят пользу своими советами.

Я возражаю Н. Федорову. Следует не воскрешать отдельных людей – голых, без окружающей их обстановки, культуры, знаний, а надо воскрешать человеческую культуру всех веков в ее целокупности. Надо поэтому не устремляться к будущему, а преодолевать *время*. Это возможно, если принять, что время есть только *форма* восприятия бесконечно богатой действительности.

Человек – это не только его тело, его жизнь, а жизнь человека во всем его окружении. Человек может быть воскрешен сразу во всех возрастах, во всем его окружении, со всеми родными, знакомыми и т. д. Он может быть воскрешен только как русский, француз, еврей, т. е. в исторической и культурной обстановке.

Нельзя воскресить *одного* человека. Можно думать только о воскрешении всего человечества. И когда мы изучаем историю, литературу, искусство, науку, фольклор, обычаи и т. д., и т. п., – мы воскрешаем (несовершенно) именно человечество.

Воскрешать прошлое можно, только переходя в иную безвременную, вневременную форму бытия.

Отсутствие ясных доказательств Бытия Божия необходимо для сохранения человеком свободы веры.

Что же происходит сейчас? Генетики уловили присутствие Бога. Тоже физики, астрономы и т. д. Присутствие Бога ощущается всеми представителями точных наук. Гуманитарные науки мало изменились и поэтому там этого нет. Вообще же гуманитарные науки в нынешнем их состоянии – не науки. Даже антинауки. Археологи в Палестине оправдывают факты, описанные в Библии. Туринская плащаница... Это вообще чудо, явленное ученым. Она существует почти 2 тысячи лет и только сейчас "заговорила". Почему? Я думаю – все это признаки приближающегося конца мира. Конец мира приближается, и не по воле Бога, а по воле человека. Бог "не может" покончить со своим творением. Но человек по своей изначальной свободе,

*Андрей Рублев.
Явление ангела женам-мироносицам.
Икона Троицкого собора
Троице-Сергиева монастыря. XV в.*

конец которой приходит, но еще не наступил, может разрушить мир. И *хочет* это разрушение приблизить. Своего рода “воля к самоубийству”. Бог не хочет этого и приоткрывает завесу над проблемой Своего существования. Явление свое в науке, в Туринской плащанице, изучаемой учеными, т. е. явившейся именно сейчас ученым, науке в первую очередь, – это последняя попытка вернуть людей и мир к жизни, спасти его от самоубийства, сделать людей еще более ответственными за свои ужасные поступки. Да будет Воля Твоя!

Муравей ползет по земле. Ему
кажется, что то, что он оставил по-
зади исчезло совсем, а то, что
ему предстоит проползти еще
не существует... Так и мы
во времени.

Из записной книжки Д. С. Лихачева

Мир несколько раз приближался к концу. И Христос предсказывал конец жизни в ближайшее же время. Мир несколько раз приближался к концу. Так, всякая болезнь приближает смерть, есть "предчувствие смерти". Но, думаю, что предчувствие смерти мира, знаки конца, сейчас уже настоящие. Зло реально дает знать человеку о своем существовании, как и Бог о своем в ответ на злую волю людей.

Наука, которая когда-то отдаляла нас от Бога, сейчас стала нас приближать к Богу.

Значит ли это, что Бог зря сотворил мир? Что все исчезнет, ничего не останется?

Нет! Время лишь одна из форм видения мира (как из окна вагона). Все, что было, не ушло в небытие. Все, до последней мухи, продолжает оставаться. Мы не укроемся от ответственности за каждый наш шаг. Все бывшее есть! Без бытия бывшего нет совести, нет справедливости в мире, нет ответственности, нет Страшного суда, в котором готовится каждому из нас не только страдание, но и радости. Человек попадает на Страшный суд – и сразу после своей смерти и в Конце Мира, ибо Конец Мира уже существует. Будущее есть сейчас, как есть сейчас и прошлое.

Муравей ползет по земле. Ему кажется, что то, что он оставил позади, исчезло совсем, а то, что ему предстоит проползти, еще не существует... Так и мы во времени.

Мемуары, которые пишет человек под конец жизни, – подготовка к смерти, к Страшному суду, хотя и минимальная.

1979 г.

Сошествие во ад. Икона. Псков, XIV в. Государственный Русский музей

Д. С. Лихачев в Комарове. 1980-е гг.

Ранним утром 26 марта (четверг) 1998 года я услышал ясно: *“Скоро пойдём дальше!”* Голос был громкий, как бы внутри меня. Я был в *полусне*. Я не сразу понял, что это значит, потом догадался.

Надо быть глухим и немым, но кроме того и чрезвычайно предвзятым человеком, чтобы не видеть, что предсказания, пророчества, вообще всякого рода “общение с будущим” имеет место в жизни как отдельного человека, так и человечества в целом. Время преодолевается на каждом шагу. И самое серьезное преодоление времени – во втором лице Троицы. Второе лицо Троицы было Сыном еще до своего воплощения от Девы Марии. Оно не могло не быть, – иначе следует думать, что Бог до Христа был каким-то иным. Воплощение Христа существовало изначально, вне времени, было надвременным и только проявилось в определенную эпоху человеческой истории. Бог не может не быть как Творец мира всемогущим и всеведущим, а это означает, что для Него время не абсолютная категория.

У меня существует уверенность, что и пространственность мира, его трехмерность – тоже условно. Пока у меня один аргумент: время и пространство теснейшим образом слиты. Если время условно, не абсолютно, то и пространство должно быть таким же. Я стремлюсь понимать все конкретно, и вот, что бросается в глаза. Можно говорить о передаче мыслей на расстояние. Этим занималась и лаборатория Васильева при Ленинградском универси-

тете, выпустившая две книги своих трудов, а потом закрытая по подозрению в мистицизме. Но возможность передачи мыслей на расстояния – факт несомненный для всякого непредубежденного человека, если он захочет ознакомиться с приведенными в трудах Васильева, да и до него, материалами. И вот что замечательно: передача мыслей на расстояния и вообще пространственная сверхматериальная связь не зависит от расстояний. Смерть близкого человека можно почувствовать с одинаковой силой, если она произойдет в соседнем доме или на противоположном конце земного шара. Поэтому к словам Апокалипсиса: “Времени больше не будет” (глава X, 6) можно добавить: и “пространства больше не будет”, а следовательно ни времени, ни пространства как абсолютной реальности нет.

“Чаю воскрешения мертвых”. Это положение Символа веры кажется невозможным, если начать думать: как, в каком возрасте должен воскреснуть старый человек или куда денутся те части плоти, которые в результате “колдовращения” всего материального принадлежали разным существам, как отделить плоть человеческую от ее материального окружения и т. д. Н. Федоров задумывался даже над вопросом, куда расселить всех воскрешенных – ведь места на земле не хватит. Но все решается просто, если мы поверим в переход наш со смертью во вневременное и внепространственное состояние, когда вместе с нашей плотью остается во вневременном состоянии все решительно: вся наша жизнь, жизнь человечества и жизнь всей Вселенной вплоть до мельчайших событий и т. д. В этом наш “Страшный суд”, и в этом оправдание всего с нами происходящего, ибо происходит с нами именно то, что мы свободно выбрали, определили для себя.

“Все там встретимся”? Именно так. Не только встретимся, но и переживем все в мгновение всевечности, со всею ответственностью за нашу жизнь во времени.

Если продолжить наше сравнение с пластинкой или диском, на котором записана не только жизнь наша, но и всего существующего во времени, то надо признать, что жизнь Вселенной не просто проигрывается иглой времени, но звучит и видится сразу, вневременно и всезнающе для Бога и для нас, “запертых” во времени.

Во всех этих рассуждениях я находил для себя великое утешение.

Не все ясно в этой придуманной мной картине мира? Не на все нашлись ответы? Но так в сущности это и надо: слишком точная концепция мира была бы подозрительна именно точностью.